

Идем туда, откуда не увидишь?

Бах с ними и с нами

“С нами Бах!” — под таким девизом в англиканской церкви Св. Андрея в рамках фестиваля “БАХХХ!” проходила беспрецедентная творческая акция “Страсти по Матфею-2000”. Авторы проекта — без сомнения, люди умные, образованные и фантазией не обделенные, — предложили ведущим деятелям российской культуры прочесть “в современной кодировке” грандиозные баховские пассионы, и за четыре с половиной (!) часа, что длилось “музыкально-поэтически-хореографически-дизайнерское” действо, каждый из его создателей успел почувствовать себя “немножко Бахом”. К диалогу с гением подготовились основательно: три хора (капелла Музея “Московский Кремль”, хор “Сирин”, Детская хоровая капелла п/у М.Струве), группа “Opus Posth” п/у Т.Гринденко, Ансамбль ударных инструментов М.Пекарского, полдюжины солистов; ненавязчивые световые эффекты и дизайн, служившие дополнением к спорадически возникавшей хореографии. Плюс ко всему — никакие ограничения в свободе самовыражения: должное Баху дружно воздавали минималисты, фольклористы и академики; поэзию вполне лирическую и даже философскую скрашивало скупое модернистское слово (“Человек идет туда, уж откуда не уйдешь”); в ход пошли римейк и стилизация, видео и кино, а гобой со скрипкой самозабвенно подпе-

вали электрогитаре. Впрочем, за редким исключением охотников пародировать Баха не нашлось: российские художники — каждый в меру своего таланта — отнеслись к поставленной задаче вполне серьезно. Согласитесь, не так легко постоянно балансировать между двумя пропастями: опасностью нарваться на сравнение с Бахом и страхом быть оцененным по меркам художественно самодостаточного творчества.

Ну где еще, в самом деле, услышишь заправскую фугу для флейты, контрабаса, трубы и аккордеона или увидишь пластические экзерсисы на музыку хоралов а la Бах? И где, как не в сакральном церковном пространстве, доведется вам выразить “коллективное религиозное чувство” (см. программу) в песнопениях на мелодии масовых песен, снабженных духовными стихами (весьма сомнительного качества)? Правда, местная паства, не знавшая об обычаях времен М.Лютера, вяло подтягивала только русской “То не ветер ветку клонит” — на “Сулико”, “Сурка” и “Елочку” религиозного чувства уже не хватало.

Самое интересное, весь этот интригующий кводлибет действительно смог бы произвести впечатление цельного опуса, если бы не... совершенно убийственное исполнение. Надо было видеть крестные муки музыкального руководителя

проекта Т.Гринденко и нескрываемую растерянность на лицах исполнителей, но лучше было не слышать, как в “развернутых хоровых фантазиях” все пели и играли кто в лес кто по дрова; как певица, вступив в творческий диалог с Бахом и с композитором В.Гайворонским, отчаянно пыталась изобразить из себя Л.Долину и одновременно “барочно” колоратурить мимо нот. Да, пожалуй, слова “хорала” на музыку Траурного марша Шопена стали поистине пророческими: “Петелька тугая, песенка плохая”.

Песенка становилась все хуже, и поэтому многие предпочли ретироваться, так и не дождавшись трагической кульминации новоявленных Страстей по Баху. Очередной концептуалистский кунштук с налетом шоу-музика и элитарной тусовки превратился в гигантский претенциозный капустник, на котором весельем и не пахло. Парочка простых смертных, случайно затесавшаяся среди журналистов, представителей Гете-института, авторов и консерваторской профессуры, затосковала: “Лучше было пойти на концерт Пугачевой”. Такого ли эффекта ожидали организаторы концепции? Впрочем, Бах с ними! — “сметь свое суждение иметь” не заказано никому — а идея и впрямь была недурна.

Лада АРИСТАРХОВА